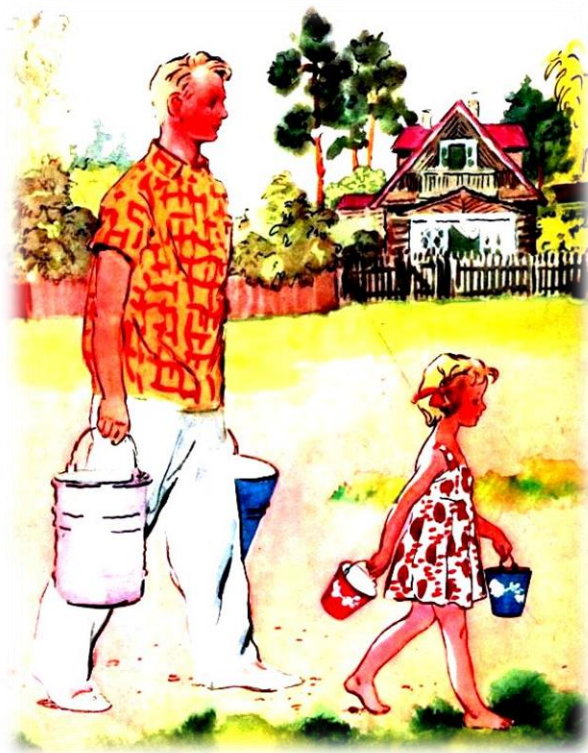

*Рассказ «Хорошая вода»
автор Нина Гернет*

Папа взял большие вёдра, а Катюшка — маленькие, и они пошли за водой.

Идти не близко, не далеко. Сперва от крылечка до калитки. На дорожке тёмные пятна, светлые пятна - вся дорожка пёстрая. Папа шагает, не смотрит под ноги. А Катюша прыгает только по светлым пятнам, на тёмные не наступает. Они перешагнули через два сосновых корня, вышли из сада и пошли по дороге.

Дорога широкая, светлая. Воздух над ней жаркий. Они идут, молчат. Только у папы вёдра разговаривают: блям-блям. Катины ведёрки не блямкают, только качаются.

Очень жарко. Даже земля горячая. Босая Катюшка идёт одной ногой по траве, другой — по дороге. Одной ноге прохладно, другой — горячо.

С дороги свернули на тропинку. По тропинке спустились с горки, а там — вода. Она льётся из железной трубки, которая воткнута в горку. Издали и не видно, что она льётся: будто стеклянная палочка прислонилась к трубке.

А внизу струя разбивается вдребезги, журчит, брызжет, пенится между камней и дальше бежит уже спокойно, тонким ручейком. В нём голубые незабудки купают зелёные ножки.

Здесь папа оставил на траве свои вёдра, а Катюшка — свои ведёрки. И они пошли туда же, куда бежал ручей: прямо, потом вокруг ивовых зарослей.

А оттуда ручей бежал к речке. Чем ближе подбегал, тем быстрее мчался и громче шумел. Наверное, это так и предполагается, потому что и Катюшка закричала что-то и помчалась, размахивая руками, и папа крикнул:

— Э-гой! — и зашагал так широко, что это всё равно, что бежать.

Они разделись и бухнулись в воду. Взлетели брызги, и сразу не стало жары, не стало пыли — одна радость осталась. Кто хоть раз бросался в воду в жаркий день, тот поймёт. Освежились они, наплавались, надрызгались. Сели на песок сохнуть. Папа достал из кармана брюк бумажку и сделал лодочку.

Катя пустила её в реку. Белая лодка поплыла, качаясь, потом свернула за кусты вместе с речкой, и её не стало видно. Утонула она или пристала к берегу, или до сих пор плывёт, - это неизвестно.

Папа с Катей оделись и пошли по той же тропинке обратно. Возле горки остановились. Папа подставил ведро под струю-палочку. Она громко застучала по дну, потом забурлила уже тише, потом зажурчала спокойно - и ведро наполнилось. Тогда Катюшка подставила своё ведёрко, а потом опять папа и опять Катя: такой у них был порядок.

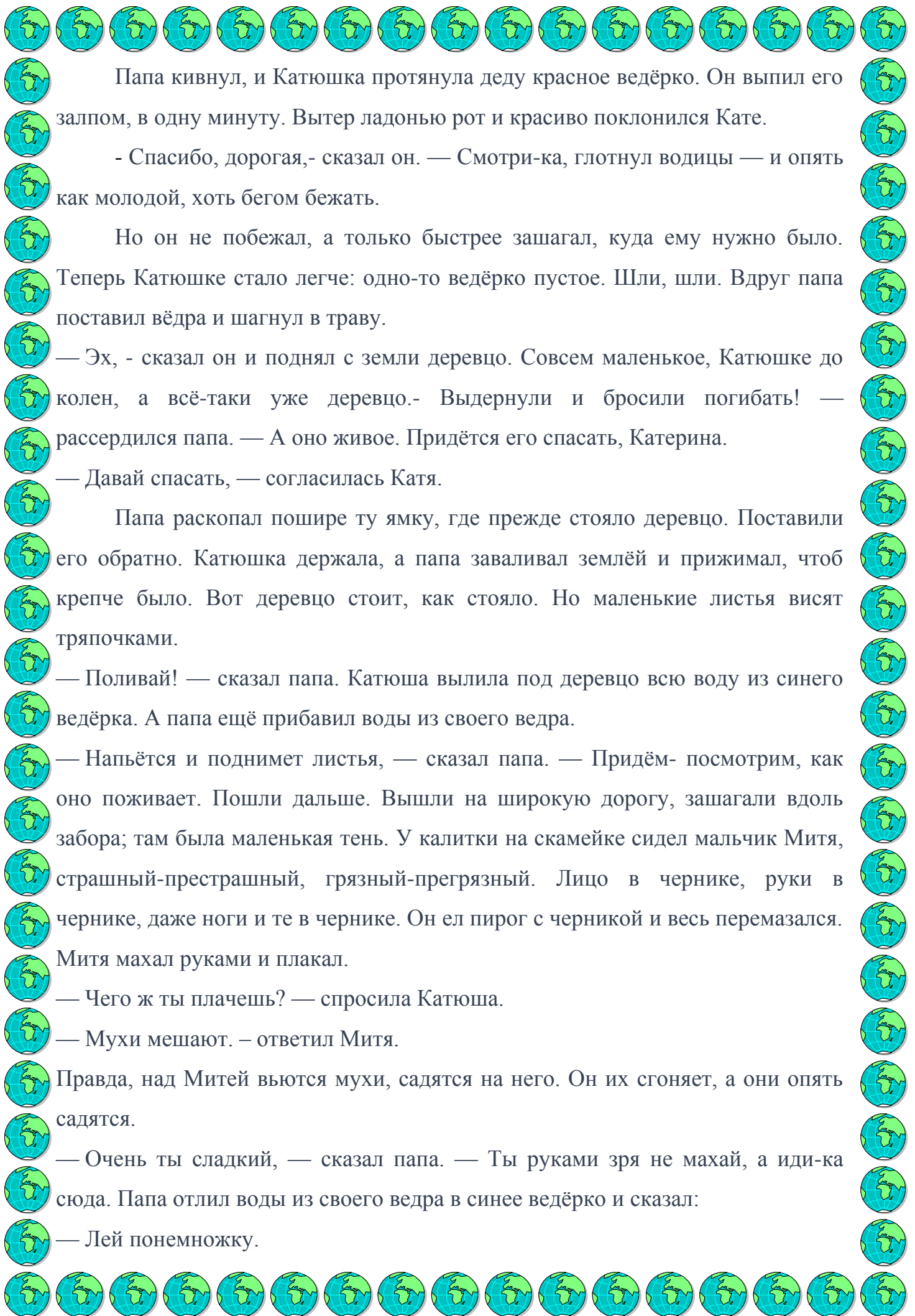
Пошли они с водой вверх по тропинке. У Катюшки маленькие вёдра, но она и сама маленькая, — ей немножко тяжело. Папа большой, но у него и вёдра большие, — ему тоже немножко тяжело ...

... Опять им стало жарко. Выбрались наверх, передохнули и медленно пошли по тропинке.

Встретился им старый дед с корзинкой. У него борода белая, а лицо красное, — видно, ему тоже очень жарко.

— Дайте попить, будьте добры! — попросил старик и посмотрел на воду так, будто с самого детства не пил.

Папа кивнул, и Катюшка протянула деду красное ведёрко. Он выпил его залпом, в одну минуту. Вытер ладонью рот и красиво поклонился Кате.

- Спасибо, дорогая,- сказал он. — Смотри-ка, глотнул водицы — и опять как молодой, хоть бегом бежать.

Но он не побежал, а только быстрее зашагал, куда ему нужно было. Теперь Катюшке стало легче: одно-то ведёрко пустое. Шли, шли. Вдруг папа поставил вёдра и шагнул в траву.

— Эх, - сказал он и поднял с земли деревцо. Совсем маленькое, Катюшке до колен, а всё-таки уже деревцо.- Выдернули и бросили погибать! — рассердился папа. — А оно живое. Придётся его спасти, Катерина.

— Давай спасать, — согласилась Катя.

Папа раскопал пошире ту ямку, где прежде стояло деревцо. Поставили его обратно. Катюшка держала, а папа заваливал землёй и прижимал, чтоб крепче было. Вот деревцо стоит, как стояло. Но маленькие листья висят тряпочками.

— Поливай! — сказал папа. Катюша вылила под деревцо всю воду из синего ведёрка. А папа ещё прибавил воды из своего ведра.

— Напьётся и поднимет листья, — сказал папа. — Придём- посмотрим, как оно поживает. Пошли дальше. Вышли на широкую дорогу, зашагали вдоль забора; там была маленькая тень. У калитки на скамейке сидел мальчик Митя, страшный-престрашный, грязный-прегрязный. Лицо в чернике, руки в чернике, даже ноги и те в чернике. Он ел пирог с черникой и весь перемазался. Митя махал руками и плакал.

— Чего ж ты плачешь? — спросила Катюша.

— Мухи мешают. — ответил Митя.

Правда, над Митей вьются мухи, садятся на него. Он их сгоняет, а они опять садятся.

— Очень ты сладкий, — сказал папа. — Ты руками зря не махай, а иди-ка сюда. Папа отлил воды из своего ведра в синее ведёрко и сказал:

— Лей понемножку.

Катя лила воду струйками, а папа мыл Мите лицо, руки и ноги. Митя стал очень чистый и совсем перестал плакать ...

... Он пошёл и сел на свою скамейку. Катя постояла возле него, подождала. Потом спросила:

— Не едят тебя мухи?

— Не едят! — сказал Митя и засмеялся.

Тогда папа с Катей пошли дальше уже почти до дому дошли. Вдруг видят, из травы идёт дым клубится возле самого соседского забора. Красивый дым, не то беловатый, не то черноватый. Папа подскочил к этому месту и плеснул водой -раз, другой, третий. В траве зашипело, - и не стало дыма. На этом месте осталось только чёрное, горелое пятно.

— Безобразие! — сказал папа, — Бросил какой-то дурень папиросу! Не подумал, что может дом сгореть! Бывают же люди!

— А разве дома от дыма тоже сгорают? — спросила Катюшка. - Я думала только от огня.

— Огня там хватало,- сказал папа. - Его на солнце не видать, а он уже к забору подбирался.

— А мы его — шлёп водой! - сказала Катюшка.

Вот и дом. На крыльце, на ступеньке, сидит мама, поджидает.

— Загуляли! — кричит мама. — Я тут без воды как без рук! Ой, да где ж вода? Полдня ходили — полведра принесли! Хороши!

— Потому что всем надо. Мы не виноваты, — сказала Катюшка.

— А ты лучше нас за стол усади, чаем напои, а тогда спрашивай, — сказал папа. Мама так и сделала. Воды как раз хватило на большой чайник.

